

Е. В. Антонова

АНТРОПОМОРФНЫЙ ПЕРСОНАЖ НА ПЕЧАТЯХ ИРАНА И МЕСОПОТАМИИ

Изучение семантики, сферы распространения и трансформаций изображений антропоморфных существ в древнем изобразительном искусстве представляет интерес с разных точек зрения. Один из важнейших аспектов исследований — анализ этих изображений в контексте общественного и культурного развития эпохи, переходной от поздней первобытности к раннегосударственному периоду, когда формируется идеология отношений власти. Именно под этим углом зрения рассматриваются в настоящей статье изображения антропоморфных персонажей на печатях IV — начала III тыс. до н. э. из Месопотамии и Ирана.

Изображения рогатого или сходного с ним безрогого человекоподобного или человеческого существа на печатях — первые антропоморфные изображения на этих столь широко распространенных в древней Передней Азии вещах. В долгой истории глиптики им предшествуют геометрические фигуры и изображения животных, которые открывают линию развития многофигурных композиций, передающих разнообразие действия религиозно-обрядового характера. Принадлежность таких изображений именно глиптике, занимавшей важное место в культуре, делает особенно перспективным изучение генезиса образов в контексте тех явлений общественной жизни, которые обусловили их появление и характер изменений.

Изучение изображений на древних вещах не должно замыкаться лишь на них самих, но требует принимать во внимание формы и назначение вещей, на которые они наносились, и их взаимосвязи с элементами контекстов, которым принадлежали и сами изображения, и вещи. Изображение обладает определенной структурой и сочетается с другими изображениями; оно нанесено на вещь определенного назначения, обладающую в то же время функцией культурного знака. Изображение и вещь принадлежат конкретной человеческой общности в тот или иной период ее существования, определенной историко-культурной ситуации. Все эти обстоятельства должны составлять фон конкретного исследования, определяя его результат. Анализ проблем, которые могут представляться частными, при таком подходе приобретает интерес значительно более широкий.

Персонаж, наделенный зооморфными признаками — рогами и/или хвостом, в литературе обычно именуется «хозяином животных», поскольку он часто изображался как покровитель или господин хищников, травоядных, пресмыкающихся. П. Амье, посвятивший этому образу немало страниц, назвал его «наиболее древней мифологической фигурой восточного репертуара», предшественником как легендарных героев, так и антропоморфных божеств¹. Самые ранние из известных сейчас образцов

¹ Amiet P. *Elam*. P., 1966. P. 32.

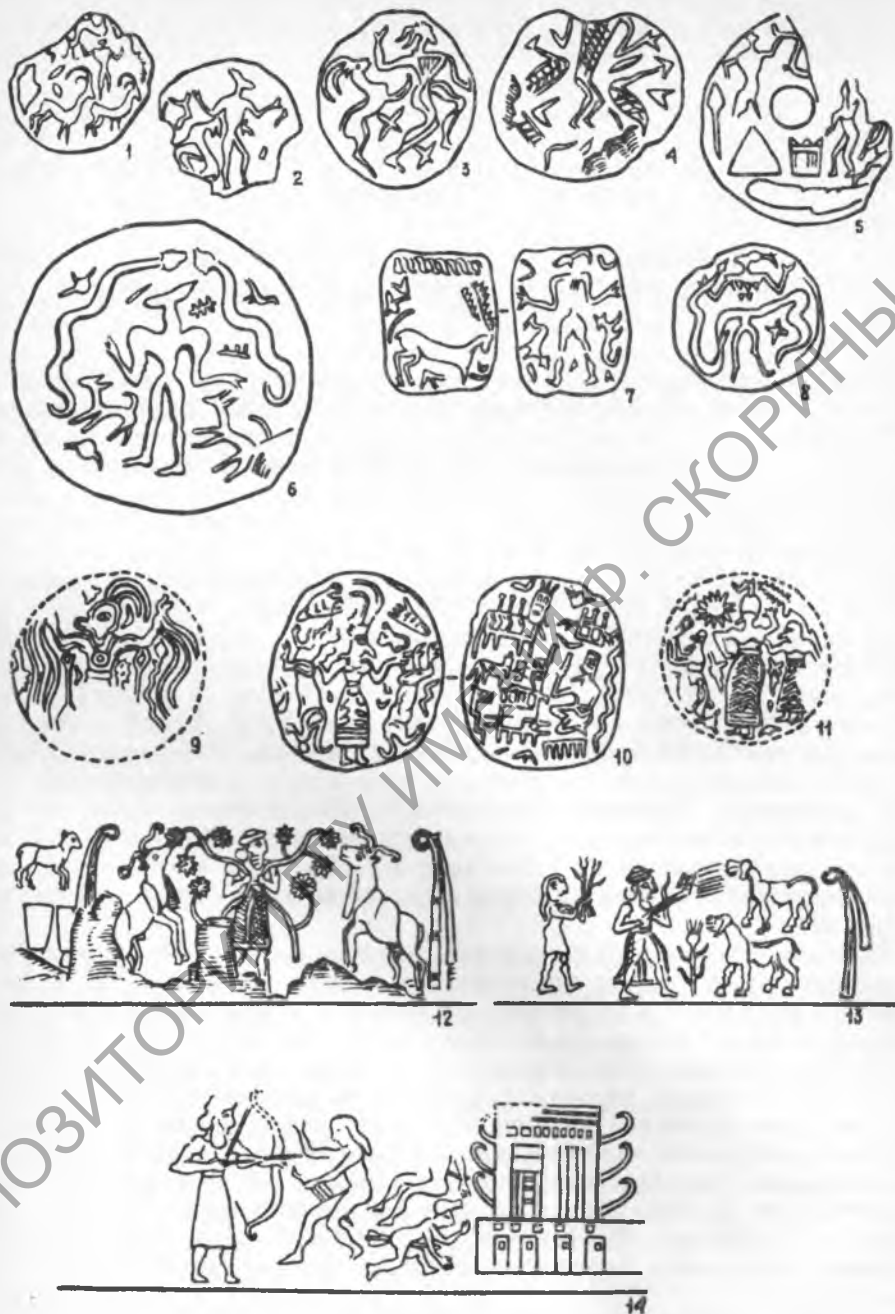


Рис. 1. Изображения на печатях Месопотамии и Ирана: 1—3, 5 — Тепе Гавра (1—3 — слой XIII, 5 — слой XII); 4, 7—8 — Тепе Гиян (4 — слой VC); 6 — Тель Асмар; 9—11, 14 — Сузы (9—11 — период B, 14 — период C); 12—13 — Урук (по П. Амье)

печатей с такими изображениями происходят из Тепе Гавры (Северная Месопотамия), поселений Луристана и из Суз. В Тепе Гавре они зафиксированы с XIII слоя, где печати-штампы впервые представлены в боль-

шом количестве ². На более поздние слои (XII—XI) приходится не менее двух третей всех обнаруженных в этом поселении печатей. Гавра XIII—XII относится к позднему убейду, выше лежат наслоения урукского периода. Печати имеют полусферическую и чечевицеобразную формы; большинство их изготовлено из минералов, доставлявшихся в Тепе Гавру, — стеатита и серпентина (60% всех образцов), лазурита, агата, сердолика и т. д.; изображения на них наносили гравировкой. Хотя время появления печатей с антропоморфными изображениями может быть определено как поздний убейд, основной их массив принадлежит уже урукскому периоду.

Антропоморфные изображения включают как одну, так и несколько фигур (рис. 1, 1—3). В слое XIII найдены печати с изображением человека с козлиной головой или козлиными рогами, в позе бега или танца, в сопровождении козлов ³. На одной из печатей изображены три персонажа, лишенные выраженных зооморфных черт и движущиеся вправо, держа за руки ⁴. Необходимо отметить, что вообще для печатей этого слоя характерны геометрические изображения, а также изображения животных — козлов, реже оленей.

В следующем, XII слое (рис. 1, 5) найдены печати и их оттиски с изображением коленапреклоненного персонажа, окруженного змеями, «бегущего» человека и двух человек, стоящих по сторонам большого сосуда, опустив в него нечто вроде палок ⁵. Особый интерес представляют образцы XI слоя, на которых антропоморфные персонажи изображаются исключительно как действующие лица различных сцен: на двух печатях они в брачном соединении, при этом в одном случае изображена змея, а в другом они сочетаются стоя, «по-животному» ⁶. На одной печати изображены идущие, согбенные, как бы с грузом за спиной, люди, на двух других — стоящий и два идущих персонажа ⁷. Среди изображений на печатях этого слоя преобладают не геометрические, а фигуративные мотивы, изображения животных — хищников с козлами или только козлов. Примечательно, что в более поздних слоях (X—VII) антропоморфные персонажи перестают встречаться, известны лишь изображения животных — козлов, иногда со змеей.

Ряд изображений позволяет с безусловностью заключить, что персонажи показаны в обрядовых ситуациях. Помимо тех, в которых представлены уже упоминавшиеся брачные сцены, следует упомянуть две печати из слоев XII—XIA ⁸. На одной из них изображен человек, склонившийся над чем-то вроде «рогатого» алтаря, а также помещены условные фигуры, возможно, приношения ⁹; на другой печати — также у алтаря (?) человек с ногой животного в руке. Исследователи интерпретируют его позу с полусогнутыми ногами и разведенными в стороны руками как танцевальную ¹⁰, в которой, как правило, изображаются персонажи. С нашей точки зрения, правомерно также предположить, что и такие изображения, даже

² Tobler A. J. Excavations at Tepe Gawra. V. II. Philadelphia, 1950. P. 175.

³ Ibid. Pl. CLXIV, 95, 101, 102.

⁴ Ibid. Pl. CLXIII, 92.

⁵ Ibid. Pl. CLXV, 107; CLXII, 76; CLXIII, 71.

⁶ Ibid. Pl. CLXIII, 86—87.

⁷ Ibid. Pl. CLXIII, 85, 89.

⁸ Ibid. Pl. CLXIII, 82—83.

⁹ Amiet P. La glyptique mésopotamienne archaïque. P., 1961. P. 69.

¹⁰ Ibid. P. 15, 69; Coldwell D. H. The Early Glyptic of Gawra, Giyan and Susa and the Development of Long Distance Trade II // *Orientalia*. 1976. V. 45. P. 3.

если они передают одиночный персонаж или их группу, имели целью отразить ситуацию обряда, что характерно и для глиптики более позднего времени в Иране и Месопотамии.

В луристанском поселении Тепе Гиан (рис. 1, 4, 7—8) обнаружены печати, стратиграфическое положение которых в большинстве случаев остается неясным, однако их общий облик и репертуар изображений очень напоминают печати Тепе Гавры. Антропоморфные персонажи с козлиными головами или рогами или лишенные явных признаков животных представлены с козлами или змеями¹¹; обнаружены печати с уже знакомой нам сценой брачного соединения¹². Как и в Тепе Гавре козы (признаки пола отсутствуют) изображаются парами, при этом их иногда окружает змея. Связь этих изображений с обрядами умножения скота весьма вероятна, на что указывает и змея, встречающаяся и в брачных сценах.

Сходство печатей Тепе Гавры и Тепе Гиана, по всей вероятности, правомерно объяснять существованием между этими поселениями тесных связей¹³. Эти связи могли носить характер обмена, одним из объектов которого, как полагают, был лазурит, впервые зафиксированный в Гавре XIII, Ниневию, Телль Арпачие и одновременно или несколько позже — в Тепе Гиане¹⁴. В Северной Месопотамии он исчезает в период Гавра VIII, но появляется в это же время на юге Месопотамии, из чего заключают, что инициатива торговли этим весьма ценившимся минералом была перехвачена городами юга, а также Сузами¹⁵.

К сожалению, убейдская эпоха, от которой дошли первые печати с антропоморфными изображениями, остается плохо изученной, поэтому об уровне социального развития населения Месопотамии в это время судить трудно. Высказывались предположения, что в Тепе Гавре уже со времени существования XIX слоя торговля осуществлялась храмами, каковыми считают выделяющиеся из обычной застройки большие здания¹⁶. Сейчас такое их назначение подвергают сомнению, постройки считают жилыми домами социально выдвинувшихся семей¹⁷; в таком случае можно думать, что они имели особое отношение к распределению и обмену, поскольку печати в значительном количестве происходят именно из этих домов. Ж.-Д. Форест полагает, что убейдское общество было слишком слабо структурировано для того, чтобы храмы могли существовать¹⁸. И все же представляется неправомерным отрицать относительную структурную сложность общества периода убейда хотя бы на том основании, что ее предполагают пусть пока примитивные святилища в Эреду, а также первые антропоморфные персонажи печатей, совершенно не известные в предшествующий период, в халафской культуре. Структурную сложность убейдского общества позволяет предполагать и уровень развития общества следующей за ним эпохи, урукской: в это время социальная дифференциация безусловно существовала. Именно к урукскому времени относятся по преимуществу и печати Гавры с антропоморфными изображениями и, вероятно, печати Тепе Гиана.

¹¹ *Contenau G., Ghirshman R. Fouilles de Tépé Giyan près de Nehavend. P., 1935.*

¹² *Ibid. Pl. 35, 5; 38, 24.*

¹³ *Coldwell. Op. cit. P. 240.*

¹⁴ *Herrmann G. Lapis Lazuli: the Early Phase of Trade // Iraq. 1968. V. 30. P. 21.*

¹⁵ *Coldwell. Op. cit. P. 239.*

¹⁶ *Ibid. P. 240.*

¹⁷ *Amiet P. L'âge des échanges interiraniens. 3500—1700 avant J. C. P., 1986. P. 72.*

¹⁸ *Forest J.-D. La grande architecture obeidienne: sa forme et sa fonction // Préhistoire de la Mésopotamie. La Mésopotamie préhistorique et l'exploration récente du djebel Hamrin. P., 1987.*

В связи со сказанным представляют интерес материалы Суз. Здесь более двухсот печатей пуговицевидной формы обнаружено в неясной стратиграфической ситуации, но аналогии с образцами, найденными в слое 27 на Акрополе, позволили отнести их к убейдскому времени¹⁹. Среди изображений на них абсолютно преобладают геометрические, представлены и животные. П. Амье вообще высказал сомнение в использовании этих предметов в качестве печатей, поскольку их оттиски не были найдены, в то же время он отмечает, что оттиски подобных печатей обнаружены в Телль Арпачие²⁰. К несколько более позднему времени относятся полусферические печати с изображениями диких козлов, змей и антропоморфных существ, сделанные из стеатита и хлорита²¹. П. Амье отмечает их сходство с найденными в архаических некрополях Луристана и Тепе Гияне ВС и полагает, что, поскольку луристанские более многочисленны и обнаруживают глубокую связь с изобразительной традицией этого района, эти печати из Суз являются импортом из Луристана²². На одной из них очень условно представлен уже знакомый нам «хозяин животных» с фигурами козлов и птиц²³.

В Сузах к более позднему периоду, синхронному урукскому в Месопотамии и названному П. Амье протоурбанистическим I, или древним (соответствует Уруку XIV—VI и Сузам В), относятся печати с изображением персонажа, признаки которого близки как известному по луристанским печатям, так и более позднему, который именуется П. Амье «царем-жрецом»²⁴. Этот «потомок» «хозяина животных» представлен теперь в колоколовидной юбке, с головой (или в маске) козла и с узкой бородой (рис. 1, 9—11). В руках он держит змей или львов, рядом иногда рыба-пила. На двусторонней печати такой персонаж изображен дважды, несколько различаясь: на одной он рогатый, с львами в руках; на другой сидит на пятках на помосте перед сооружением, похожим на алтарь, а голову его венчает цилиндрический головной убор. На нескольких печатях рогатый персонаж представлен в сопровождении нагого или полубогаженного человека в луковичеобразном головном уборе, персонажа явно второстепенного, хотя в таком же уборе изображается иногда и главный персонаж²⁵.

Ряд особенностей рогатого персонажа печатей — его отношение к змеям, наличие нагрудного медальона — сближает его с условными изображениями антропоморфных персонажей на расписных сосудах и некоторых вещах из некрополя Суз I, относящегося еще к убейдскому времени. На этих материалах представляется целесообразным остановиться, поскольку они, будучи исследованы Ф. Хоулом, проливают свет на социальную структуру поселения. В статье Ф. Хоула рассматриваются два варианта изображений на сосудах, где антропоморфный персонаж лишен рогов или других признаков животных²⁶. Он представлен стоящим между двух столбов или стержней на прямоугольных основаниях,

¹⁹ *Amiet P. Glyptique Susienne des origines à l'époque des Perses Achéménides // MDAI. 1972. T. XLIII. № 1—200; idem. L'âge des échanges... P. 6.*

²⁰ *Idem. Glyptique Susienne ... P. 6.*

²¹ *Ibid. № 127—144.*

²² *Amiet. L'âge des échanges... P. 35.*

²³ *Idem. Glyptique Susienne... № 144.*

²⁴ *Ibid. P. 34—38.*

²⁵ *Amiet. La glyptique... № 121, 123.*

²⁶ *Hole F. Religion and Social Organization at Susa // The Hilly Flanks. Essays on the Prehistory of Southwestern Asia. Chicago, 1983.*

увенчанных треугольниками, обращенными вершинами вверх. Другая разновидность — персонаж, голова которого увенчана двумя кольцеобразными предметами; он стоит между вертикально расположенными отрезками тройных ломаных линий. Стержни и кольца изображались и отдельно от персонажей: первые парами или по одному, вторые — по две пары одна над другой или по три на прямоугольном основании²⁷. Ф. Хоул предположил, что косьеобразный предмет около персонажа — это условно переданный плоский топор-тесло. Около 60 таких топоров найдено в некрополе Суз I. Эти вещи, не бывшие в употреблении (как считает П. Амье, это слитки металла, а не орудия или предметы вооружения²⁸), по его мнению, могли быть церемониальными вариантами земледельческой мотыги, символами земледельческого труда, которые позднее в Месопотамии стали «лопатами Мардука».

Помимо топоров-тесел в необычайно богатом медными изделиями некрополе Суз I были найдены дисковидные предметы, которые в литературе обычно называют зеркалами. Основываясь на упоминавшихся выше изображениях антропоморфных персонажей с дисками на груди, встречающихся на печатах, Ф. Хоул высказал предположение, что и эти вещи наряду с топорами были знаками группы лиц достаточно высокого социального статуса. По его расчетам, таких погребенных было около 50. Всего раскопано около 2000 погребений этого времени (к сожалению, без должной тщательности, что снижает информативность этого исключительно важного материала); таким образом, группа лиц высокого социального ранга составляла приблизительно 3% всего населения Суз.

Предположение о существовании в Сузах убедяского времени социальной дифференциации подтверждается и данными о структуре поселений. В Сузиане зафиксировано существование поселений разного размера (что предполагает их иерархию) и сооружение монументальных построек. Развитие обмена также указывает на процессы общественной дифференциации, на появление группы лиц, главной функцией которых было управление, контроль над распределением и обменом²⁹. Знаками их функций были, вероятно, и печати, которые тем не менее в некрополе Суз I не найдены. Ф. Хоул объясняет это тем, что в то время они могли составлять принадлежность не отдельных лиц, а общественных институтов, поэтому и не попадали в погребения³⁰.

Изображения рогатого или близкого ему безрогого персонажа на сузских печатах протоурбанистического I периода П. Амье рассматривал как свидетельства развития религии и культа, в котором этот персонаж — правитель — играет роль архаичного гения, «хозяина животных»³¹. В работе 1986 г. он более четко, чем прежде, формулирует мысль о том, что изображен именно реальный правитель, лишь играющий роль сверхъестественного существа³². Появление людей, исполняющих в обрядах роль представителя общины привело, как он считает, к формированию визуально антропоморфных образов богов. Предшественником же его на печатах был «хозяин животных», властелин змей, козлов и баранов, облик которых благодаря этим отношениям и отразился в его внешности. Это — ге-

²⁷ Ibid. P. 318.

²⁸ Amiet. L'âge des échanges... P. 36.

²⁹ Сводку материалов и гипотез см.: ibid. P. 29 suiv.

³⁰ Hole. Op. cit. P. 321.

³¹ Amiet. La glyptique... P. 72.

³² Idem. L'âge des échanges... P. 38.

ний-баран и змея, персонификация духа, оживляющего животных³³. Его жест простертых к животным рук — одновременно жест власти и покровительства. Персонажи печатей Луристана, Тепе Гавры и Суз воскрешают образы архаического целостного общества, подобного обществу доисторических охотников. Изображая диких коз и баранов, люди выражали свои основные заботы, при этом стиль их жизни не менялся тысячелетиями, о чем свидетельствуют аналогичные картины на луристанских бронзах VIII в. до н. э.³⁴

Изображением «хозяина» (возможно, защитника животных, демона) считала рогатый персонаж на печатях Э. Порада³⁵. Она полагала, что мы, видимо, никогда не узнаем, были ли это изображения богов, шаманов или царей³⁶. Р. Барнетт в статье под названием «Человек в маске или бог-козел?» акцентирует внимание на особенностях трактовки персонажа, указывающих на его принадлежность к специфической горской культуре³⁷. Он считает, что как на печатях, так и в скульптурных изображениях фигурировал охотник, замаскированный для того, чтобы к козлам, которых он преследовал, было легче подкрасться. Одновременно он мог изображать и гения — защитника козлов. Р. Барнетт, как и другие исследователи, обращает внимание на то, что персонаж связан именно с дикой природой, что его обычно большие рога — особенность диких животных. Лишь на некоторых печатях из Тепе Гавры рога напоминают короткие рога газели, что он объясняет относительной удаленностью этого поселения от гор — мест обитания диких коз³⁸.

Нам кажется, что все интерпретаторы изображений интересующего нас персонажа преувеличивают значение одной из сторон знака, каковым являются изображения рогатого персонажа, его внешней формы, плана выражения. К этому склоняется даже такой проницательный исследователь, как П. Амье. Получается, что в обществах горцев, давно практикующих производящие формы хозяйства, происходит возврат к охотничьей символике. Между тем в обществах настоящих охотников не было ни печатей, ни изображений рогатых персонажей, ни изделий, объединяемых под общим наименованием «луристанские бронзы», на которых, как указывал П. Амье, продолжает встречаться образ «хозяина» или «хозяйки» зверей. Представляется, что не архаичные явления в культуре и общественной жизни обитателей Месопотамии и Ирана, а то, что было в ней прогрессивным, может объяснить и формальные особенности изображений антропоморфных существ, и причины их появления вообще и на вещах столь специфического назначения, какими были печати.

Печати — вещи, назначение которых — воспроизводить на пластичных материалах, в том числе на глине, нанесенные на них изображения. Если в первобытных обществах с относительно неразвитым производством и обменом они могли играть роль магических знаков и не быть знаками контроля над собственностью³⁹, то в более развитых обществах они стали использоваться для обеспечения контроля над содержимым всякого рода

³³ *Idem.* Glyptique Susienne... P. 35.

³⁴ *Idem.* Le problème de l'iconographie divine en Mésopotamie dans la glyptique antérieure à l'époque d'Agade // *Contributi e Materiali di Archeologia Orientale*. V. 1. Roma, 1986. P. 10.

³⁵ *Porada E.* Ancient Iran. The Art of Prehistoric Times. L., 1965. P. 30.

³⁶ *Ibid.* P. 33.

³⁷ *Barnett R. D.* Homme masqué ou dieu-ibex? // *Syria*. 1966. T. XLIII. Fig. 3—4.

³⁸ *Ibid.* P. 263.

³⁹ Антонова Е. В. К проблеме функций печатей первобытных земледельцев Востока // *СА*. 1984. № 4.

хранилищ и вместилищ⁴⁰. Появление оттисков печатей на глине относится ко времени целой системы изменений в хозяйственной и общественной жизни — времени усиления разделения труда, сложения ремесленной специализации (хотя и в архаичных формах), интенсификации обмена, в том числе между отдаленными пунктами. Упомянувшиеся в этой статье печати со сходными изображениями из Тепе Гавры, Тепе Гяна и Суз как раз и свидетельствуют об обмене или «торговле на далекие расстояния», как она именуется в зарубежной литературе. Цель такого обмена — получение по преимуществу экзотических материалов или изделий, которые служили знаками общественного положения элиты.

В то же время торговля на далекие расстояния, как справедливо отметил более 20 лет назад Г. Райт, играла в первобытных и даже более развитых обществах Передней Азии не столь важную для существования роль, как локальный обмен продуктами питания и некоторыми видами сырья, но его следы с трудом улавливаются в археологических остатках⁴¹. Особенно интенсивное развитие обмена у ранних земледельцев объясняется рядом причин, среди которых — их оседлый образ жизни, ограничивавший доступ к ресурсам, рост потребностей в сырье, а также наличие годного для обмена избыточного продукта⁴². Обмен был условным и одновременно следствием хозяйственной специализации, в частности, формирования специализированного в большей или меньшей степени скотоводческого хозяйства, где для этого были необходимые условия. Развитие пастушеского скотоводства предполагает существование стоянок пастухов в пещерах Луристана, где найдена керамика убейдского типа⁴³. Высказывалось предположение о существовании кочевого скотоводства у носителей убейдской культуры или их соседей в V тыс. до н. э., из чего следует естественный вывод о существовании обмена продуктами земледельческого и скотоводческого хозяйства⁴⁴. Время убейдской культуры отмечено появлением поселений, обитатели которых занимались, например, металлургией и металлообработкой (Тали Иблис и другие поселения, обитатели которых использовали рудные месторождения Центрального Ирана⁴⁵), добычей минералов, изготовлением сосудов⁴⁶. На территории поселений в убейдское время выделяются участки, где осуществлялись различные виды деятельности. Так, изучение материалов раскопок 30-х годов нашего века на Тали Бакуне А (слой III) позволило А. Ализаде выявить в центральной и южной его части участок, где занимались выплавкой и обработкой меди, изготовлением каменных печатей-штампов. Найденные здесь материалы свидетельствуют о наличии связей с побережьем Персидского залива, Керманом, Северо-Восточным Ираном и центральной частью плато (суть не меняется от того, что эти связи могли быть непрямыми). Северная часть поселения имела другую функцию — здесь хранили сырье и другие изделия, отсюда осуществляли надзор за распределением материальных благ, о чем говорят, в частности, находки

⁴⁰ *Fiandra E., Ferioli P. The Administrative Functions of Clay Sealings in Prehistorical Iran // Iranica / Ed. G. Gnoli, A. V. Rossi. Napoli, 1979.*

⁴¹ *Wright G. A. Obsidian Analyses and Protohistoric Near Eastern Trade: 7500 to 3500. Ann Arbor, 1969. P. 68—69.*

⁴² История первобытного общества. Эпоха классового общества. М., 1986. С. 341.

⁴³ *Wright. Op. cit. P. 69.*

⁴⁴ *Ibid.*

⁴⁵ *Amiet. L'âge des échanges... P. 42—43.*

⁴⁶ *Wright. Op. cit. P. 69—75; Tosi M. The Notion of Craft Specialization in the Archaeological Record of Early State in the Turanian Basin // Marxist Perspectives in Archaeology / Ed. M. Spriggs. Cambr., 1984.*

печатей и их оттиски. А. Ализаде полагает, что избыточный продукт в Тали Бакуне создавался не в земледелии, а в скотоводстве, которому благоприятствовали природные условия. Существованием наряду с оседлым кочевым населением он объясняет широту влияния культуры Тали Бакуна А за пределами Фарса, в Хузестане, Бахтиарских горах, районе Бехбехана и Зухре⁴⁷. Замечено усиление с убейдского времени концентрации экзотических материалов на поселениях, что указывает на неравномерность доступа к ним, т. е. на социальную дифференциацию⁴⁸.

Итак, разведение скота играло в хозяйстве обитателей и Ирана, и, насколько можно судить, Месопотамии, важную роль. Именно с ним, как представляется, можно связывать изображения животных на сосудах энеолитических культур, а отнюдь не с пережитками тотемистических представлений, которые едва ли могли быть актуальны в общинах носителей производящего хозяйства, насчитывающего уже не одно тысячелетие. Разведение скота имело важные последствия в социальной жизни: именно скот мог легко превращаться в богатство. «Если запасы продуктов земледелия в условиях первобытного общества вряд ли целесообразно создавать более чем на два-три года, скот может существовать гораздо дольше, накопление его не для непосредственного потребления, а именно как резерв становится даже у земледельческих народов основной формой богатства»⁴⁹.

Между ролью той или иной сферы хозяйства в жизнеобеспечении общества и ее осмыслением нет жесткой и непосредственной связи. Важные для жизнеобеспечения сферы могут не быть источниками знаков высокого социального статуса; так, знаки ремесленной деятельности в древней Передней Азии почти не фигурируют среди символов власти. Но образы, связанные с разведением скота, с животными, явно были в центре внимания общества. И особенно распространенными они становятся в период сложения дифференцированных обществ и в древнейших государствах. Скотоводческое хозяйство открывало перед его владельцами определенные возможности повышения статуса, и пиршества — один из необходимых элементов действий, осуществлявшихся с этой целью⁵⁰.

Большое место, отводимое образам животных на печатях и в мифологических текстах шумеров, было отмечено В. К. Афанасьевой⁵¹. Она обращает внимание на существование у них представлений об охотниках и скотоводах как предках горожан, напоминает о том, что один из наиболее популярных богов — Думузи, супруг Инанны и мифологический прообраз царей периода Ларсы и Исина, был пастухом. Автор также отмечает, что мир домашних и диких животных воспринимался шумерами как близкий; покровительство бога диких зверей Сумукана простиралось и на домашних животных. Но замечание о том, что популярность изображений на печатях находит соответствие в мифах, не объясняет того, поче-

⁴⁷ *Alizadeh A. Socio-economic Complexity in Southwestern Iran during the Fifth and Fourth Mill. B. C.: the Evidence from Tall-i Bakun A // Iran. 1988. V. XXVI.*

⁴⁸ *Wright. Op. cit. P. 72.*

⁴⁹ *Берзин Э. О. Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966. С. 59. Примечательно, что документы времени Урук IV—III наряду с жертвоприношениями и натуральными выдачами содержат сведения об учете именно скота, а материалы об учете полей появляются лишь в конце периода (Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 92).*

⁵⁰ *Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976. С. 232; Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М., 1986. С. 40, 160, 354—355, 398.*

⁵¹ *Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979. С. 72 сл.*

му у создателей цивилизации, горожан и представителей администрации образы диких и домашних животных играли столь значительную роль. Почему в Месопотамии и Иране, а вслед за ними и в соседних регионах одним из главных атрибутов божеств стала рогатая твара? Не может считаться исчерпывающим предположение П. Амье, что большое место животных в глиптике периодов урука и джемдет насра связано с магическими призываниями плодородия⁵². Это возможное объяснение, но оно не затрагивает главной причины высокой знаковости образов животных, в том числе крупного и мелкого домашнего скота и его диких предков. Заметим, что растения явно не играют столь значительной роли.

Нам уже приходилось писать о той роли, которую играли в мировосприятии ранних земледельцев и скотоводов образы диких животных: они служили для моделирования разделенного на «нашу» и «не нашу» сферы мира. Оседлые земледельцы уже не воспринимали себя как единое целое с природой: производящее хозяйство нарушило непосредственность связей⁵³. Воспринимая мир в образах реальности, люди видели в диких животных обитателей тех областей, которые не были освоены ими в той мере, как поселения и окружающие их поля, мира, который воспринимался мифическим сознанием как обладающий особыми характеристиками, опасными, но и представляющими ценность для людей. Домашние животные были пришельцами из этого мира, они были в некоторой степени близки ему, поэтому могли играть роль посредников. Отсюда принесение их в жертву, нанесение их изображений на сосуды и другие вещи, использование элементов их внешнего облика в обрядовых костюмах, оформлении алтарей и храмов. Симптоматично, что в первобытных коллективах, где доминировали отношения равенства, изображения антропоморфных персонажей с признаками животных крайне редки, а на печатях они не встречаются вообще. Только в тех обществах, где процессы дифференциации зашли достаточно далеко, они появляются, свидетельствуя об этих явлениях. При этом образы животных начинают использоваться и для моделирования отношений внутри общества, а мир диких зверей становится миром бога⁵⁴.

Рассматривая изображения на иранских печатях IV—III тыс. до н. э., Э. Порада говорила о возможности связи образов животных с женским персонажем — их покровителем. За подтверждением она обращалась к наблюдениям К. Йетмара, описывавшего обряды богини Муркум в Гиндукуше. Эта богиня была покровительницей диких коз и женщин⁵⁵. Действительно, среди антропоморфных персонажей — «хозяев» животных — на иранских памятниках встречаются женские, однако их число относительно невелико, преобладают образы существ мужского пола, как это явствует и из изображений уже рассмотренных нами печатей. Исследования К. Йетмара и других ученых в Гиндукуше представляют для нас интерес более широкого свойства, чем это виделось Э. Пораде: они позволяют представить тот социально-экономический и культурный контекст, в котором фигурировали как образы животных, так и связанных с ними человекоподобных существ. Обращение к этим практически синхронным материалам представляется оправданным потому, что насельники гор, обитая в специфических природных условиях, обладали до-

⁵² *Amiet. La glyptique...* P. 188.

⁵³ Антонова Е. В. Дикие животные в искусстве древних земледельцев // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.

⁵⁴ Она же. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984. С. 110—118.

⁵⁵ *Porada. Op. cit.* P. 44.

статочно архаичной общественной структурой, практиковали традиционные формы хозяйства, в котором значительную роль играло скотоводство, но при этом сохраняла некоторое значение охота. Реалии общественной жизни, обряды и представления в этих условиях имеют особенности, присущие обществам с относительно простой, хотя и не первобытно-эгалитарной социальной структурой. Это и позволяет нам видеть в них типологический аналог обществам интересующего нас региона в переходную от первобытности к ранней государственности эпоху.

Скотоводство, как уже говорилось, играло значительную роль в хозяйстве обитателей Гиндукуша, создавая, в частности, почву для неравенства. Для повышения социального ранга требовалось устройство празднеств с циршествами, для чего резали разводимый здесь мелкий рогатый скот. Скотоводство почти повсеместно было мужским занятием, как и охота, которая в обрядах и представлениях связывалась с ним⁵⁶. Козы и овцы были как объектами различных обрядов, так и их «участниками». Большинство обрядов было так или иначе связано с плодородием, всякого рода изобилием и благополучием. Духи и божества как мужского, так и женского пола могли являться в облике этих животных или использовать их в качестве ездовых⁵⁷. Известны статуи рогатого бога⁵⁸. Диких и домашних животных считали чистыми, их рогами украшали обрядовые или сакральные постройки⁵⁹. У калашей козы хлеба даже считались священными. Примечательно, что постоянным элементом обрядов были танцы, часто носившие экстатический характер. В связи с изображениями на печатях особый интерес представляет зафиксированный в Гилгите танец на празднике начала весны. Его участники были в шкурах каменного козла, а на их головах были укреплены козлиные рога⁶⁰.

Все мифологические персонажи были так или иначе связаны с животными. Одной из важнейших функций этих персонажей была регуляция форм общественной жизни, установление определенных общественных институтов и т. п. Таким образом, в богатейших материалах, обобщенных К. Йеттмаром, особенно заметна тесная зависимость и взаимообусловленность образов мифологических представлений и обрядов особенностями хозяйства и социальной структуры. Последнее хотелось бы подчеркнуть. За всеми образами животных стояли антропоморфные сверхъестественные существа, посылающие те или иные блага и имеющие аналогов в социальной структуре.

Обратимся вновь к главному объекту настоящей работы — печатям, но уже более поздним, чем рассмотренные выше, относящимся к периоду урука и джемдет насра (рис. 1, 12—14). На смену рогатому персонажу на них появляется «хозяин зверей» в виде человека, по определению Э. Порада⁶¹, или «царь-жрец», как именует его П. Амье, считая, что в изображениях на печатях отражены главные функции этого общественного лидера — жреческая и военная. Культурное единство двух периодов — урукского и следующего за ним, позволяет нам вслед за П. Амье⁶² рассматривать относящиеся к ним печати как принадлежащие одной традиции.

⁵⁶ Йеттмар. Ук. соч. С. 154, 173, 231.

⁵⁷ Там же. С. 60, 70, 102 и др.

⁵⁸ Там же. С. 172.

⁵⁹ Там же. С. 68—69, 228, 262—263.

⁶⁰ Там же. С. 217.

⁶¹ Porada. Op. cit. P. 32.

⁶² Amiet. La glyptique... P. 83.

Персонаж в юбке, обнаженный до пояса, в головном уборе с рельефным околышем и без рогов является участником разнообразных действий, и чтобы выявить его функции, необходимо, как справедливо отмечал П. Амье⁶³, изучить весь комплекс его деятельности. Перечисляя ситуации, в которых участвует интересующий нас персонаж, мы в данном случае не претендуем на учет всех, останавливаясь лишь на наиболее характерных. Среди них — поднесение (жертвование) различных вещей или животных, людей, совершаемое перед постройкой, которая передается в виде фасада здания или условно — столбов. Перед такой постройкой могло происходить и убийство врагов; постройку, вероятно, можно рассматривать как храм⁶⁴. Важное место в деятельности персонажа занимает «кормление» животных; в этих сценах он предстает как их покровитель, напоминающий более древнего «хозяина»⁶⁵. Особенно характерны такие изображения для печатей Урука, «города загонов»⁶⁶. И эта процедура осуществляется около постройки, символизируемой столбами с лентами, при этом главный персонаж может иметь сопровождающего, отличающегося от него меньшим ростом и более короткой юбкой.

Некоторые изображения на печатях, представляющие сцены поднесения даров, явно соотносятся с весьма «многословным» для этой эпохи изобразительным текстом — вазой из Урука. На ней, по мнению многих исследователей, передан один из моментов обряда «священного брака» — поднесение «царем-жрецом», представителем общины, даров в храм — жилище своей божественной невесты⁶⁷. Можно думать, что обряд «священного брака» был одним из самых важных, в нем реализовался союз общины и покровительствующего ей божества, что воспринималось как условие и залог существования.

Вообще деятельность этого персонажа, безусловно общественного лидера, предстает на изображениях как осуществляемая для божества, для храма, который почти всегда изображался, хотя и в более или менее условном виде⁶⁸. Сфера действий этого лидера представляется всеохватывающей, что свойственно и царям более поздних государств Месопотамии⁶⁹.

«Царь-жрец» лишен того признака, который был у его предшественников и который в дальнейшем стал главным отличием божеств — рогатой тиары или рогов⁷⁰. Нечто вроде рожек есть на голове у предполагае-

⁶³ Ibid. P. 83.

⁶⁴ Ibid. № 642—643, 645, 647—649, 651, 660—661.

⁶⁵ Ibid. № 636—641.

⁶⁶ *Amiet. Le problème...* P. 26—27.

⁶⁷ *Антонова Е. В.* Вещь в контексте обряда: ваза из Урука (в печати — М.: Нау- ука).

⁶⁸ Ср. действия шумерских правителей, осмысляемые как совершавшиеся для богов: Эанатум и Энанатум I — покорители стран для Нингирсу. Саргон приводит побежденного Лугальзаггеси «в ворота Энлиля» в знак посвящения этому богу (*Дьяконов*. Ук. соч. С. 186. Прим. 147, 210).

⁶⁹ *Оппенгейм А. Лео.* Древняя Месопотамия. М., 1980. С. 102—109. Характерно, что ряд эпитетов шумерских и аккадских царей укладывается в то же семантическое поле, что изображения на печатях конца IV—III тыс. до н. э. Они — «пастыри народа» (sipa) — так именовали Гудеа, Ур-Намму, Шульги, Липит-Иштара и др. Царь — это мощное животное, «бык» (am) — так называли Шульги, Липит-Иштара, Ишме-Дагана, или «лев» (pirig) — Шульги, Хаммурапи. Их занятия соответствуют эпитетам, особое место принадлежит охоте — войне мирного времени (*Seux M. J.* *Épithètes royales akkadiennes et sumériennes*. P., 1967. P. 436—437, 441—446; *Оппенгейм*. Ук. соч. С. 46).

⁷⁰ Рогатая тиара — не только один из главных признаков богов Месопотамии, но и символ некоторых из них (Ану, Энлиля). По мнению Э. Дорма, бычьи рога были символом мощи (*Dorme E.* *Les religions de Babylonie et d'Assyrie*. P., 1949. P. 13—14). Согласно П. Амье, рогатая тиара как признак божества появляется в раннединасти-

мой жрицы, встречающей процессию (ваза из Урука ⁷¹). Хотя «царь-жрец» и лишен этого признака связи с миром животных, его отношения с ним были весьма тесными: он выступает кормильцем копытных и победителем хищников. Вообще изображения животных, в том числе диких, охота на них, образы различных существ смешанной зооантропоморфной природы занимают в глиптике конца IV — первой половины III тыс. до н. э. (и позднее тоже) очень важное место.

Примечательна одна особенность изображений на печатях конца IV — начала III тыс. до н. э. как Месопотамии, так и Ирана — редкость в них тем и персонажей, непосредственно по внешним признакам связанных с культом и миром богов или фантастических существ, хотя последние, конечно, изображались. Часто встречаются так называемые сцены повседневной жизни, передающие формально несакральные действия — строительство, изготовление различных вещей, уход за скотом. Уже приходилось писать, что и такие на первый взгляд лишенные сакральности сюжеты обладали религиозно-мифологической соотнесенностью ⁷². Все действия, изображавшиеся на печатях, рассматривались сквозь призму отношений, обеспечивавших благополучие и самое существование мира ⁷³.

Изображения богов появляются на печатях относительно поздно, систематически — лишь на позднем этапе раннединастического периода, но в основном уже в аккадское время. Они выступают как участники обрядов, продолжая старую традицию передачи на печатях в принципе обрядовых действий, хотя это не всегда ясно нашим современникам, поскольку не выражается в эксплицитной форме, сюжет не развернут, а сводится лишь к нескольким персонажам, указывающим на него. Одна из причин отсутствия изображений богов — то, что они не имели визуально антропоморфного облика, будучи сращены с явлениями, которые они позднее стали олицетворять. Вероятно, они передавались посредством различных знаков символического и иного характера. И в эту эпоху, когда уже существовали антропоморфные изображения богов, их символы были очень распространены. В них демонстрируется неотделенность явления природы и божества (Шамаш — солнечный диск, растительные божества — растения и т. д.). Очевидно, что и в более ранние периоды, к которым относятся печати Ирана и Месопотамии IV тыс. до н. э., не могли появляться изображения богов антропоморфного облика.

Выше мы уже говорили о том, что изображения на печатях Тепе Гавры, Тепе Гияна и Суз в условной или относительно явной форме передавали обрядовое действие. Изображения пар людей и животных, танцующего персонажа среди животных и даже одних лишь животных могут

ческое время, при этом рога показаны как укрепленные прямо на голове или на ленте, общепринятым же этот убор становится в аккадское время, когда появляются тигры, увенчанные, в частности, несколькими парами рогов (*La glyptique...* P. 162).

⁷¹ Spyket A. La coiffure féminine en Mésopotamie des origines à la I Dynastie de Babylone // RAAO. 1955. V. XLIX. № 3. P. 118; *Amiet*. *La glyptique...* P. 94.

⁷² Антонова Е. В. Представления обитателей Двуречья о назначении людей и глиптика конца IV — первой половины III тыс. до н. э. // ВДИ. 1983. № 4.

⁷³ Резчики печатей избирали для изображения персонажей и сцены благожелательного характера, те, которые соответствовали магической функции печатей, служивших наряду с прочим амулетами и талисманами. Начиная с эпохи I Вавилонской династии на них стали делать надписи с обращениями к богам, на касситских и ассирийских печатях были тексты заклинаний — словесные эквиваленты профилактических ритуалов. См. *Van Buren E. D. Amulets in Ancient Mesopotamia // Orientalia*. 1945. V. 14; *Coff B. L. The Role of Amulets in Mesopotamian Ritual Tests // Journal of the Warburg and Courtland Institute*. 1956. V. XIX. № 1—2. Заклинаниями в образах называл изображения на печатях П. Амье (*La glyptique...* P. 187—188).

рассматриваться как соотнесенные с обрядами плодородия, изобилия и всяческого благополучия, что составляло квинтэссенцию древней обрядности вообще. Роль обряда, опосредующего мифологические и религиозные представления и изображения, не позволяет видеть в антропоморфных персонажах печатей непосредственно духа или демона. Изобразительное искусство черпало образы из обряда, изображались его реальные участники. Другое дело, что нельзя приписывать древним нашего восприятия, неправомерно считать, что они изображали или сверхъестественное существо, или смертного. Для них человек в ритуальном облачении, в частности с козлиными рогами, переставал на время совершения обряда быть человеком, он был духом, демоном, сверхъестественным существом. Но дело в том, что потребность изображать этот персонаж появилась не тогда, когда появилось представление о духе или демоне, но когда в обществе выделилась соответствующая роль, когда возникла потребность в носителях функции управления, наделенных сакральными функциями, без чего в то время никакой социальной отмеченности быть не могло. Внешнее сходство персонажа печатей с «хозяином» животных не должно скрывать той социальной реальности, которая стояла за ним. Повторим еще: современники видели в таких персонажах (в определенном смысле своих лидерах) мифологические прототипы, но само их появление на престижных вещах, на знаках контроля, какими были печати, обусловлено существенными изменениями общественной жизни, формированием института власти, идеологии в собственном смысле слова, а не успехами в познании мира и не прогрессом в области изобразительного искусства, хотя и эти обстоятельства играли некоторую роль.

Фигура предводителя становится объектом общественной рефлексии лишь тогда, когда функция управления обособливается от других, а не растворяется в различных формах деятельности и разных ролях, присущих членам первобытных коллективов. Только тогда власть начинает восприниматься как некая субстанция с определенным, каким-то образом оформленным (в том числе визуально) носителем. «В условиях, когда в обществе царит „регулируемая анархия“, по определению Э. Эванс-Причарда, не возникает сколько-нибудь заметной потребности в осмыслении самого феномена власти»⁷⁴. Изображения людей с определенными атрибутами и в определенных ситуациях, при этом людей, показанных поодиночке, — свидетельства осмысления фигуры носителя власти, общественного лидера. Их существование позволяет заключить, «что власть... уже отделилась от коллектива, обрела благодаря развитию общественного производства и разделению труда известную автономность, и такую независимость общественное сознание с большей или меньшей остротой зафиксировало»⁷⁵.

О том, что появление этой фигуры связано с развитием общественного производства, печати свидетельствуют самым непосредственным образом. Установлено, что они предназначались для контроля над содержимым кладовых, сосудов, других вместилищ⁷⁶. Изображение на них персонажей мужского пола показывает, в чьих руках находился контроль. Примечательно, что в обществах, относительно отдаленных от территорий, где сложились первые цивилизации, более архаичные печати с геометрическими изображениями бытовали в условиях менее развитого хозяйства, чем это можно предполагать для синхронных им культур Юго-Западного Ирана и тем более Месопотамии. Так, в Шахри Сохте (Систан) в конце

⁷⁴ Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 87.

⁷⁵ Там же. С. 100.

⁷⁶ Fiandra, Ferioli. Op. cit.

IV — начале III тыс. до н. э. печати с геометрическими изображениями найдены в основном в погребениях женщин⁷⁷. Почти исключительно геометрическими были изображения на печатях, найденных в поселении II тыс. до н. э. Сапаллитепа также только в женских погребениях⁷⁸. То, что изображения, соотносящиеся с образом общественного лидера, появляются именно на печатях, показывает важность роли обмена в формировании института власти в Месопотамии и Иране.

Итак, изучение изобразительных материалов на фоне данных о характере общественного и хозяйственного развития периода разложения первобытнообщинного строя и формирования раннеклассового общества может пролить свет на идеологию этого чрезвычайно интересного этапа истории. Для обоснования особого общественного статуса лиц, осуществлявших управление производством и распределение произведенных продуктов, начинают изображаться мифологические по форме персонажи. П. Амье пишет, что на сузских печатях представлен присущий горской традиции «хозяин животных», в то время как жители равнин богов вообще пока не изображали. Он полагает, что это существо абсолютно мифическое, прообраз вождя или царя⁷⁹. Это предположение кажется нам нуждающимся в некотором уточнении. Речь должна идти не о том, что сначала изображали «хозяина животных», мифического духа, а потом стали изображать вождя-жреца, как это было в урукское время. Звероподобный облик персонажа ранних печатей — следствие того, что в обществах, еще не порвавших с первобытной эгалитарностью, носитель власти мог выступать как мифологически сильно окрашенный в своей визуальной форме, как носящий явные признаки своих отношений с нечеловеческим, иным миром. Только в условиях достаточно далеко зашедшей общественной дифференциации и оформления этого в сознании носитель власти приобрел чисто человеческий облик. Такой по крайней мере рисуется картина в Месопотамии и Иране, при этом в горных районах последнего с их специфически замедленным развитием и сохранением архаичных общественных структур в облике вождей и других социальных лидеров долго могли воспроизводиться зооморфные черты их отдаленных предшественников.

TOWARDS AN INTERPRETATION OF THE ANTHROPOMORPHIC IMAGES THAT APPEAR ON IRANIAN AND MESOPOTAMIAN SEALS

E. V. Antonova

The article analyses the reasons for the appearance of anthropomorphic images with certain zoomorphic features (mainly those of the goat), on Mesopotamian (Tepe Gawra) and Iranian (Tepe Gyan and Luristan) seals from the IV millenium B. C. The author believes that the archaic look of the imagery is deceptive: it is the result of social differentiation and the formation of institutionalised power. The images of the tokens of administrative power (and the seals had such a function amongst others) testify to the existence of individuals who controlled distribution, exchange and, in all probability, production. These individuals were also charged with certain sacramental duties and this explains the animal features incorporated in their image. The heirs to these individuals were the «priests cum leaders» who are depicted on the seals from the end of the IV to the beginning of the III millenia BC, found in Mesopotamia and Susiana.

⁷⁷ Piperno M. Socio-economic Implications from the Graveyard of Shahr-i Sokhta // South Asian Archaeology 1977 / Ed. M. Tosi. V. 1. Napoli, 1979.

⁷⁸ Tosi M. The Origins of Early Bactrian Civilization // Bactria. An Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan / Ed. G. Ligabue, S. Salvatori. Venezia. S. d. P. 47-53.

⁷⁹ Амье. Le problème... P. 40.